

—
79.

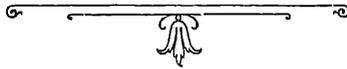
РЕЛИГИЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

РЕЛИГИЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Выпускъ третій.

РЕЛИГИЯ
И. С. ТУРГЕНЕВА.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-38392
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

САРАТОВЪ.
Типографія Союзъ Печатнаго Дѣла.

1913.

РЕЛИГИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА.

I.

Биографія И. С. Тургенева.

Иоаннъ Сергѣевичъ Тургеневъ—русскій писатель, пользующійся славою не только на Руси, но и за границей, —родился въ богатой дворянской семьѣ 28 Октября 1818 года въ городѣ Орлѣ.

Дѣтскіе годы Тургеневъ провелъ въ имѣнннхъ родителей—въ селѣ Спасскомъ, Орловской губерніи, будучи окруженъ гувернерами—иностранцами. Русскій языкъ и русскую литературу И. С. изучалъ украдкою: отъ камердинера матери!

Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Тургеневъ поступилъ въ частный пансіонъ въ Москвѣ, а въ пятнадцать лѣтъ уже записался въ число студентовъ Московскаго университета, откуда впрочемъ, чрезъ годъ перешелъ въ Петербургскій университетъ. Во время обученія своего въ Петербургѣ И. С. впервые выступилъ въ печати и вошелъ въ кругъ столичныхъ журналистовъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ, тотчасъ по окончаніи университета, поѣхалъ за границу для изученія общественной жизни, литературы и науки западной Европы. Въ Берлинѣ онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и основательно изучилъ здѣсь философію Гегеля.

Вернувшись въ Россію, Тургеневъ около двухъ лѣтъ состоялъ чиновникомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но уже въ 1845 году вышелъ въ отставку и занялся журнальною работою. Въ это время онъ близко сошелся и подпалъ подъ вліяніе знаменитаго тогда критика Бѣлинскаго, примкнувъ къ либеральной школѣ писателей—западниковъ.

Въ 1846 года Тургеневъ начинаетъ жить преимущественно за-границей: въ Берлинѣ, Баденъ-Баденѣ и Парижѣ. Съ 1847 года начинается всероссійская извѣ-

стность Тургенева: съ этого времени появляются отдѣльные рассказы его „Записокъ Охотника“, встрѣченные общимъ одобреніемъ критики и раскупавшіеся читающею публикою въ отдѣльныхъ изданіяхъ положительно на—расхватъ. Кромѣ славы „Записки Охотника“ дали Тургеневу богатый гонораръ.

Явившись въ 1852 г. въ Россію для полученія на слѣдства, И. С. вызвалъ къ себѣ нерасположеніе начальства, главнымъ образомъ, за свою критику крѣпостного права. За некрологъ о Гоголѣ Тургеневъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку въ свое имѣніе—с. Спасское. Тургеневу долго не разрѣшали выѣзда за границу и дали ему заграничный паспортъ только въ 1856 году. Съ этого времени онъ въ Россіи бываетъ только наѣздами, проводя все время въ близкой ему семьѣ пѣвицы Віардо за-границей. Окруженный семействомъ Віардо Тургеневъ скончался 22 Августа 1883 года.

Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и предано погребенію при громадномъ стеченіи народа.

Таковы краткія свѣдѣнія о жизни Тургенева, изъ которыхъ съ несомнѣнностью можно утверждать только объ одномъ: И. С. Тургеневъ при жизни принадлежалъ къ лагерю либеральныхъ писателей и, какъ таковой, болѣе жилъ интересами литературными и обще-человѣческими, чѣмъ религіозными. Вѣроятно все, что религія и не была областью глубокихъ переживаній души Тургенева и мало вліяла на образъ его жизни, чѣмъ отчасти можно объяснить и вольность нравственнаго поведенія Тургенева въ сферѣ семейныхъ отношеній.

II.

Общія замѣчанія о сочиненіяхъ И. С. Тургенева.

И. С. Тургеневъ началъ свою литературную дѣятельность совершенно незначительными и даже, пожалуй-ничтожными поэтическими произведеніями, не имѣвшими успѣха въ литературѣ, каковы: „Параша“, „Помѣщикъ“

Славу Тургеневу создали его „Записки Охотника“—глубокое и правдивое описаніе русской природы и русской жизни временъ крѣпостного права. „Записки Охотника“—богатая галлерей русскихъ типовъ, живая и искренняя проповѣдь правды, заботы о бѣдныхъ, униженныхъ крѣпостныхъ. Въ авторѣ „Записокъ Охотника“ публика увидѣла добраго и отзывчиваго къ горю дру-

гихъ писателя, увидѣла и тонкаго цѣнителя красоты природы, и рѣдкаго, изумительнаго художника слова. „Записки Охотника“ вскорѣ же послѣ своего появленія доставили автору не только всероссійскую, но и міровую извѣстность.

За „Записками Охотника“ послѣдовали повѣсти и романы Тургенева.

Въ повѣстяхъ Тургеневъ остается вѣрнымъ продолжателемъ перваго своего литературнаго труда: здѣсь мы такъ же встрѣчаемъ и дивный, художественный слогъ, и изящныя, даже рѣдкія по красотѣ описанія природы, и жизненные правдивыя характеристики русскихъ людей. Главный мотивъ повѣстей—неудачи любви, разочарованія увлеченій... Мотивы грустные, мѣстами даже унылыя!

Въ романахъ И. С. Тургеневъ дѣлается нѣсколько инымъ: здѣсь мы встрѣчаемъ на первомъ планѣ—широкую картину русской общественной жизни, описаніе господствующихъ въ обществѣ идейныхъ теченій, характеристику преобладающихъ типовъ общества. Романы Тургенева—отчеты о пережитыхъ русскимъ обществомъ историческихъ эпохахъ или періодахъ его культурной жизни, отчеты о главнѣйшихъ, господствующихъ въ обществѣ кумирахъ и дѣятеляхъ. Эти романы Тургенева въ свое время заставляли къ нимъ прислушиваться и ловить ихъ глубокія указанія.

Разказы, повѣсти и романы Тургенева были посвящены описанію: или русской общественной и крѣпостной жизни, или личныя переживанія сердца всякаго отдѣльнаго человѣка, вызываемыхъ восторгами и несчастіями любви. Говоря иначе, сочиненія И. С. Тургенева были чужды описанію религіозной жизни русскаго человѣка, были далеки отъ вопросовъ вѣры и Церкви.

Тургенева нельзя причислить къ числу русскихъ писателей, глубоко и проникновенно относившихся къ религіи и Церкви.

Не смотря на это, мы найдемъ въ сочиненіяхъ И. С. Тургенева нѣсколько страницъ, по которымъ можно опредѣленно судить о томъ, что религіозныя переживанія не были совершенно чужды его сердцу, и что онъ подмѣтилъ въ русской жизни моменты религіознаго вдохновенія и типы людей вѣрующихъ.

И. С. Тургеневъ создалъ типъ глубоко религіозной русской дѣвушки (Лиза Калигина въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“).

Кромѣ того онъ весьма своеобразно и глубоко искренно описалъ свои чувства и думы о Христѣ („Христось“ въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“, Христось въ разсказѣ „Живыя Мощи“ и въ „Воспоминаніяхъ объ А. Ивановѣ“).

Тургеневъ нѣсколько разъ говоритъ о церковныхъ службахъ: упоминаетъ молебны („Степной Король Лиръ“ „Новь“), обѣдню („Дворянское Гнѣздо“), всенощную („Дворянское Гнѣздо“), вечерню („Дневникъ лишняго человѣка“).

Въ сочиненіяхъ И. С. упоминаются и духовныя лица—священники („Два помѣщика“, „Разсказъ отца Алексія“), діаконъ („Новь“), дьячекъ („Поѣздка въ Полѣсье“), монахъ („Монахъ“ въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“).

Нѣкоторые изъ героевъ Тургенева говорятъ о смерти и вѣчности, о Богѣ и душѣ. Указанія на этихъ его героевъ будутъ сдѣланы въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ дальше. (Цитатія сочиненій И. С. Тургенева будетъ дѣлаться по изданію А. Ф. Маркса въ двѣнадцати томахъ. СПб. 1898 г.).

Кромѣ того Тургеневъ перевелъ съ французскаго языка два сочиненія Флобера на религіозные вопросы: „Иродіада“ и „Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ“ (XII 365—406).

Не смотря на все это, И. С. все-таки, несомнѣнно, религіозными вопросами занимался не глубоко и проникновенно, а поверхностно и случайно. Въ автобіографіи его есть весьма характерная сцена, въ которой очень рельефно обрисовано неглубокое отношеніе автора къ религіознымъ вопросамъ: „съ Бѣлинскимъ сладить было не легко.—„Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, —а вы хотите ѣсть!..“ Сознаюсь, что написавъ эти слова, я *чуть не вычеркнулъ ихъ* при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова; и если при воспоминаніи объ этой необязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ—улыбка умиленія и удивленія“ („Воспоминанія о Бѣлинскомъ“ XII, 24).—Не смотря на то, что искреннія слова Бѣлинскаго возбудили когда-то въ Тургеневѣ чувство умиленія, то есть, замѣтный религіозный подъемъ, Тургеневъ все-таки не прочь былъ „вычеркнуть“ и не говорить объ этихъ религіозныхъ переживаніяхъ. Готовность „вычерк-

нуть“ религиозные вопросы и еще болѣе—боязнь показаться кому-нибудь смѣшнымъ при разсужденіяхъ о религіи, все это, конечно, говорить о слабости религиознаго чувства въ душѣ Тургенева.

III.

Смерть и безсмертіе.

Въ послѣдніе годы жизни Тургенева, по словамъ его біографовъ, его часто тревожили мысли о смерти.. Онъ переживалъ страхъ смерти и старался не думать о неизбѣжномъ концѣ земной жизни. (Объ этомъ подробнѣе у Евг. Соловьева „И. С. Тургеневъ“. СПб. 1910 г. Стр. 84. Книга изъ серіи „Жизнь замѣчательныхъ людей.“).

На вопросъ: „что я буду думать тогда, когда мнѣ придется умирать?...—И. С. отвѣчаетъ такъ: „мнѣ кажется, я буду стараться не думать—и насильно займусь какимъ—нибудь вздоромъ, чтобы только отвлечь собственное мое вниманіе отъ грознаго мрака, чернѣющаго впереди“ (IX, 111. „Что я буду думать?..“).

Чтобы отогнать тоску смерти, И. С. проситъ окружить его предъ кончиною крайне легкомысленною обстановкою:

„Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти—
За раскрытыми дверями
Музыкантовъ помѣсти.
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзкс взвизгнетъ вальсъ нахальный“

(IX, 274—275. „Милый другъ.“).

Не смотря на такія легкомысленныя сужденія о смерти, И. С. иногда задумывался серьезнѣе надъ вопросами жизни и смерти, и глубже, и проникновеннѣе рѣшалъ проблему безсмертія.

Смерть чаще всего вызывала въ Тургеневѣ иныя, болѣе серьезныя чувства и думы. „Какъ я ни былъ молодъ и легкомысленъ въ то время“, пишетъ Тургеневъ при описаніи смерти въ „Степномъ Королѣ Лирѣ“: „но внезапная перемѣна, постоянно вызываемая во всѣхъ сердцахъ... появленіемъ смерти, ея торжественность, важность и правдивость—не могли не поразить меня. Я и *былъ пораженъ*“ (VII, 385).—Въ статьѣ на смерть Гоголя Тургеневъ выражается о смерти еще проникновеннѣе: „смерть имѣетъ *очищающую и примиряющую силу*; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилой!“ (XII, 68).

И. С. очень тонко и правильно подмѣтилъ переживанія русскаго человѣка во время смерти: „удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состояніе его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ, *словно обрядъ совершаетъ*: холодно и просто...

„Вообще, удивительно умираютъ русскіе люди.

„Я получилъ слѣдующее письмо: «пріятель вашъ, у меня въ домѣ проживавшій студентъ, скончался... Скончался вашъ другъ въ совершенной памяти, и можно сказать, съ таковою же безчувственностію, не изъясняя никакихъ знаковъ сожалѣнія“

„Старуха—помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходить, и поскорѣе подаль ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. „Куда спѣшишь, батюшка“, проговорила она коснѣющимъ языкомъ: „успѣешь...“ Она приложилась, засунула—было руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ.

„Да, удивительно умираютъ русскіе люди!“ («Смерть». I, 223, 226, 230—231).

Старуха—помѣщица предъ смертію рѣшила до мелочей исполнить обрядъ «отходной»—Видимо, она и умиралаобдуманно до послѣдней мелочи; умирала покойно, безъ видимаго, внѣшняго волненія.

Можно думать, что несмотря на свое безпечное отношеніе къ вопросу о смерти, Тургеневъ все же понималъ серьезность и важность этого событія и не считалъ смерть совершеннымъ прекращеніемъ человѣческой жизни: онъ вѣрилъ въ безсмертіе. Онъ находилъ въ человѣческой душѣ и въ человѣческомъ сердцѣ такія цѣнности, которыя не боялись смерти.

„Любовь, думалъ я, *силнѣе смерти* и страха смерти. —Только ею, только любовью держится и движется жизнь“ («Воробей». IX, 85).

Любовь, по мысли Тургенева,—вѣчна и устойчива даже предъ смертію.

Въ психологическомъ отношеніи чрезвычайно любопытно описаніе Тургеневымъ чувствъ влюбленнаго Аратова къ умершей Кларѣ. „Какъ только Аратовъ очутился одинъ въ свемъ кабинетѣ—онъ немедленно почувствовалъ, что его какъ бы кругомъ что-то охватило,

что онъ опять находится во власти, именно во власти другой жизни, другого существа... Онъ не влюбленъ; да и какъ влюбиться въ мертвую?.. Нѣтъ! но онъ во власти... въ ея власти... онъ не принадлежитъ себѣ болѣе... Тѣло ея мертвое... а душа?—развѣ она не безсмертная.. развѣ ей нужны земные органы, чтобы проявить свою власть?.. (IX, 47. „Клара Миличъ“).

Любовь безсмертна и потому, именно, по мнѣнію И. С., дѣйствіе любви не прекращается и по смерти одного изъ любящихъ людей. Любовь и вліяніе любви отражается и изъ міра загробнаго!

«Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли... каменные плиты всѣ сдвинуты... овцы безвозбранно ходятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное... Евгенийъ Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки часто приходятъ два уже дряхлые старичка—мужъ и жена... приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ ...и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней... не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они,... они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной“ (II, 215—216. „Отцы и Дѣти“).

Какъ видно изъ приведенныхъ трогательныхъ словъ Тургенева, онъ вѣровалъ въ безсмертіе и признавалъ силу молитвы за умершихъ!

IV.

М о л и т в а.

Оригинальныя сужденія высказаны Тургеневымъ молитвѣ:

„О чемъ бы ни молился человѣкъ—онъ молится чудѣ.—Всякая молитва сводится на слѣдующее: «Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два—не было четыре“.

Только такая молитва и есть настоящая молитва отъ лица къ лицу. Молиться Всемирному Духу, Высшему Существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному Богу—невозможно и немыслимо.

„Но можетъ ли даже личный, живой, образный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два—не было четыре?“

„Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: можетъ“... («Молитва». IX, 117).

Въ приведенныхъ словахъ И. С. очень мѣтко и основательно различаетъ молитву къ Личному, Живому Богу и молитву къ Богу «кантовскому»: насколько допустима и разумна молитва и обращеніе къ Богу Живому, настолько же нелѣпа молитва, по мысли Тургенева, тогда, когда она обращена къ Божеству—идеѣ, теоріи. Эта мысль И. С. вѣрна и психологически—правильна. Но неправильно и очень блѣдно, очень узко представленіе молитвы, какъ исключительно просьбы о чудѣ, о милости: Тургеневъ забываетъ о молитвѣ восторженной, вдохновенной, въ которой человекъ ничего не проситъ у Бога, а выражаетъ одну только любовь къ Богу, переживаетъ одно только блаженство и счастье при молитвѣ Богу!.. Молитва—не исключительно просьба о чудѣ и о помощи, но можетъ быть еще и выраженіемъ любви къ Богу, безъ всякой просьбы о вознагражденіи и о чудѣ.

О такой молитвѣ не разъ упоминаетъ и самъ Тургеневъ.

Онъ пишетъ, на примѣръ, про одного монаха, отшельника, святого: „онъ жилъ одною сладостью молитвы—и, упиваясь ею, такъ долго простаивалъ на холодномъ полу церкви, что ноги его, ниже колѣнъ, отекали и уподобились столбамъ. Онъ ихъ не чувствовалъ, стоялъ—и молился“... («Монахъ». IX, 116).

Несомнѣнно, что отъ своей молитвы монахъ не ждалъ чуда: онъ просто „жилъ одною сладостью молитвы“

У Тургенева отмѣченъ любопытный психологическій примѣръ молитвы, которую можно назвать молитвою отчаянія. Иванъ Петровичъ Лаврецкій «ослѣпъ и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день... Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики... Онъ молился, ропталъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ, и молился снова»... („Дворянское Гнѣздо“. III, 228).

Это—молитва полного, безнадежнаго отчаянія. Молитва ожиданья чуда «на случай», «на—авось»... Примѣръ большой молитвы.

Глубоко трогаетъ сердце человѣка молитва раскаянія. Акимъ совершилъ преступленіе и отдѣлался небольшимъ наказаньемъ. Чувствуя свою вину, оторвался онъ сердцемъ отъ всего житейскаго и началъ горько, но усердно молиться. Сперва молился шопотомъ, наконецъ, онъ, можетъ быть, случайно, громко произнесъ: Господи! —и слезы брызнули изъ его глазъ... Долго плакалъ онъ, и утихъ, наконецъ"... („Постоялый Дворъ“ V 348).

Молитву Акима можно назвать цѣлебною для чело-вѣческой души—молитвою раскаянія и примиренія.

Тургеневымъ подмѣчено и еще одно состояніе чело-вѣка во время молитвы: молитва сильнаго горя сопровождаетъ состояніемъ безчувственнаго „окаменѣнія“ чело-вѣка... Умеръ Инсаровъ... „Елена перешла въ сосѣднюю комнату, прислонилась къ стѣнѣ и долго стояла, какъ окаменѣлая. Потомъ она опустилась на колѣни, но молиться не могла. Въ ея душѣ не было упрековъ: она не дерзала вопрошать Бога, зачѣмъ не пощадилъ, не пожалѣлъ, не сберегъ, зачѣмъ наказалъ выше вины, если и была вина? Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ, и нѣтъ такого великаго мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля чело-вѣчества, который въ силу пользы, имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жить... Но Елена молиться не могла: она окаменѣла“ («Наканунъ». II, 381).

Прекрасны мысли Тургенева о томъ, что чело-вѣкъ не имѣетъ никакого права обращаться къ Богу съ упре-ками и жалобами на свои несчастья и на свою жизнь: серьезно говоря, жизнь чело-вѣка чаще всего такъ бесполезна и ненужна, что чело-вѣкъ чаще всего заслужи-ваетъ одно только наказаніе, одно только горе и не имѣетъ права требовать себѣ какихъ-нибудь привил-легій въ жизни...

Въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ описано, какъ увлека-тельно дѣйствуетъ на другого и даже на равнодушнаго къ вѣрѣ чело-вѣка чья—нибудь воодушевленная и востор-женная молитва.

«Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ... Она усердно молилась; тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за

него,—и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладану, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ—все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился,—но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего—то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангель-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу... «Ты меня привела сюда», подумалъ онъ: «коснись же меня, коснись моей души». Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, снѣ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенья»... (III, 291—292).

Возможно, что и самъ И. С. въ раннемъ дѣтствѣ и впослѣдствіи—въ зрѣлые годы жизни иногда переживалъ минуты молитвеннаго восторга и умиленія сердца.

V

Христось. Христіане.

Тургеневъ описываетъ переживанія человѣческаго сердца отъ прикосновенія къ Божеству.

«Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ, въ низкой деревенской церкви.—Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи.

Народу стояло передо мною много.

Все русыя, крестьянскія головы. Отъ времени до времени онѣ начинали колыхаться, падать, подниматься снова.

Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ.

Я не обернулся къ нему—но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ—Христось.

Умиленіе, любопытство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе... и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

Лицо какъ у всѣхъ,—лицо, похожее на всѣ чело-
вѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внима-
тельно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя
губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода
раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на
немъ, какъ на всѣхъ.

„Какой же это Христось“! подумалось мнѣ. «Такой
простой, простой человекъ! Быть не можетъ»!

„...И мнѣ вдругъ стало жутко—и я пришелъ въ се-
бя. Только тогда я понялъ, что именно такое лицо,—
лицо, похожее, на всѣ челоуѣческія лица,—оно и есть
лицо Христа“. („Христось“ IX, 105).

Мысли Тургенева о Христѣ очень трогательны и
глубоки: Божество Христа сказывается въ томъ, что че-
ловѣкъ въ Его присутствіи переживаетъ необычныя чув-
ства—разомъ и умиленіе, и страхъ! И въ тоже время—
въ какомъ смиреніи, въ какой трогательной, челоуѣче-
ской простотѣ это Божество явилось къ людямъ и жило
среди нихъ!.. Трогательна мысль о величайшемъ смире-
ніи Христа.

Тургеневъ считаетъ, что живописное изображеніе
Христа лучше другихъ удалось художнику А. А. Иванову
въ его извѣстной картинѣ „Явленіе Христа народу“
(„Поѣздка въ Альбано и Фраскати“ XII, 91).

И. С. отмѣчаетъ и еще въ одномъ разсказѣ мысль
о томъ что переживанія челоуѣка въ присутствіи Хри-
ста необычны. Больная Лукерья во снѣ видитъ Христа
и сердцемъ узнаетъ, что—это, именно, Христось. «...Та-
кимъ Его не пишутъ—а только Онъ! Безбородый, высо-
кій, молодой, весь въ бѣломъ,—только поясъ золотой,—
и ручку мнѣ протягиваетъ.—«Не бойся, говорить, невѣ-
ста Моя разубранная, ступай за Мною; ты у Меня въ
царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни
играть райскія»... („Живыя мощи“ I, 376).

Замѣчательны образы Лизы Калитиной и ея няни
Агафьи Власьевны въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ»: это—глу-
боко религиозныя, искренно вѣрующія личности, для ко-
торыхъ Христось и Богъ не былъ далекимъ, невѣдомымъ
Существомъ, а былъ «чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ,
чуть не роднымъ»... (III, 307). Эта близость ко Христу
преображаетъ жизнь обѣихъ женщинъ: ...Агафья разска-
зываетъ не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ раз-
сказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельни-
ковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ

она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, -и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святія слова. Лиза ее слушала—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христось становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ: Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ: Лиза шла за ней на ципочкахъ, чуть дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа»... (III, 307).

Примѣръ Лизы наглядно говоритъ о несомнѣнномъ значеніи религіознаго воспитанія ребенка въ его самомъ раннемъ возрастѣ. Вліяніе няни на Лизу осталось навсегда живымъ и дѣйственнымъ: Лиза ...попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, рсбко, нѣжно“ (III, 308).

Испытавшая въ дѣтствѣ радости молитвы, Лиза впослѣдствіи на всю жизнь сохранила вѣру живую, дѣятельную. Лиза—замѣчательный, не выдуманный и искусственный, а живой и подлинный типъ христіанки, для которой вѣра не только даетъ разрѣшеніе вопросовъ о жизни и смерти, но также даетъ утѣшеніе и опору въ минуты горя и несчастья.

По словамъ Лизы, ...христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человекъ долженъ умереть“ (III, 275). Т.-е., только христіанство даетъ ясный отвѣтъ о смыслѣ жизни и смерти и тѣмъ избавляетъ человека отъ всякихъ сомнѣній!

Вопросъ о счастья вѣрующимъ человексмъ рѣшается

такъ: «счастіе зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога» (III, 338).

Въ случаѣ большого несчастья и горя религія открываетъ человѣку богатый источникъ утѣшенія и обсереженія, вливаетъ въ человѣческое сердце неземныя силы и спокойствіе духа. Лизу посѣтило горе... Однако, она не обезсилена и не пала духомъ. Въ несчастіи Лиза ищетъ себѣ защиту и помощь у Бога: «...я молилась», говоритъ она—«я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами... Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо... Точно мнѣ, хочется мнѣ запереться навѣкъ»... (III, 350).

Утѣшенье въ несчастіи Лиза нашла въ монастырѣ.

VI.

Богослуженіе и духовенство.

Въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ Тургеневъ описываетъ литургію въ сельской церкви:

„Лаврецкій... большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дьячекъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили по одиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капюшономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась: ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой, широкой крестъ. Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ cadaго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, по-

смотрѣлъ на него... «Сынъ померъ», произнесъ онъ скороговоркой,—и снова принялся класть поклоны.. «Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви», подумалъ Таврецкій,—и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко... Церковь стала наполняться народомъ... Обѣдня началась, дьяконъ уже прочиталъ евангеліе, зазвонили къ достойной»... (III. 345--346).

Тургеневъ прекрасно описалъ переживанія разныхъ людей во время церковной молитвы: въ тяжеломъ горѣ единственно глубокое утѣшеніе и ободреніе мы можемъ найти только въ храмѣ! *Горячая* молитва въ церкви возносится людьми страждущими, несчастными... Въ тоже время даже церковная молитва не можетъ дать утѣшенія человѣку ожесточившемуся, отчаявшемуся въ надеждѣ на лучшее... Бываютъ переживанія, когда человѣкъ становится глухъ къ небесному голосу ободренія, раздающемуся во время церковной молитвы. И все же даже въ такія тяжелыя минуты жизни человѣкъ охотно идетъ въ церковь и ищетъ себѣ тамъ бодрости и силы!

Такой, именно, случай описанъ въ «Дневникѣ лишняго человѣка»:

„Въ одинъ сѣрый, ненастный день, возвращаясь съ прогулки, прерванной дождемъ, зашелъ я въ церковь. Вечернее служеніе только—что начиналось, народу было очень немного; я оглянулся и вдругъ, возлѣ одного окна, увидѣлъ знакомый профиль... Завернутая въ плащъ, безъ шляпы на головѣ, освѣщенная сбоку холоднымъ лучомъ, падавшимъ изъ широкаго бѣлаго окна, она неподвижно глядѣла на иконостасъ и, казалось, силилась молиться, силилась выйти изъ какого-то унылаго оцѣпенѣнія... До самаго конца вечерни Лиза не шевельнулась»...

«Она погибла!» воскликнулъ я, входя въ свою комнату»... (V, 227 стр.)

Замѣчательно, что такъ, именно, не одинъ герой Тургенева въ минуты тяжелаго горя идетъ въ храмъ и здѣсь ищетъ себѣ защиты и поддержки!

Въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ описана всенощная въ помѣщицьемъ домѣ:

„Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, человѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной и громко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ вереницей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему подъ благословеніе... Священникъ постоялъ немно о, еще разъ откашлянулся и спросилъ вполголоса басомъ:

— Приступать прикажете?

— Приступите, батюшка, возразила Марія Дмитріевна.

Онъ началъ облачатся; дьячокъ въ стихарѣ подобострастно попросилъ уголька; запахло ладаномъ. Изъ передней вышли горничныя и лакеи, и остановились сплошной кучкой передъ дверями... Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась... (III, 294).

Въ «Степномъ Королѣ Лирѣ» описанъ молебенъ въ помѣщицѣй усадьбѣ:

„Священникъ облачился въ старую, еле—живую ризу; еле—живой дьячокъ вышелъ изъ кухни, съ трудомъ раздувая ладанъ въ старомъ мѣдномъ паникадилѣ *). Молебенъ начался. Харловъ то и дѣло вздыхалъ; класть земные поклоны онъ, по тучности, не могъ, но крестясь правой рукою и наклоняя голову, указывалъ перстомъ лѣвой руки на полъ. Слеткинъ такъ и сіялъ, и даже прослезился; Жутковъ благородно, по—военному, чуть чуть помахивалъ пальцами между третьей и четвертой пуговицей мундира; Квицинскій, какъ католикъ, остался въ сосѣдней комнатѣ... По окончаніи молебна и водосвятія... всѣ присутствующіе... даже Квицинскій помочили себѣ глаза святой водой»... («Степной Король Лиръ». VII, 342).

Въ «Нови» описана литургія въ сельской церкви въ праздникъ св. Николая 9 мая, при чемъ описанъ и сельскій священникъ отецъ Кипріанъ.

„Цѣлымъ домомъ, въ трехъ открытыхъ коляскахъ, съ лакеями на запяткахъ, отправились „господа“ къ обѣднѣ, а до нея и четверти версты не было. Все произошло очень парадно и пышно. Сипягинъ возложилъ на себя ленту; Валентина Михайловна одѣлась въ прелестное парижское платье блѣдно-сиреневаго цвѣта—и въ церкви, во время обѣдни, молилась по крошечной книжечкѣ, переплетенной въ малиновый бархатъ; книжечка эта смущала иныхъ стариковъ; одинъ изъ нихъ не воздержался и спросилъ у своего сосѣда: „Что это она, прости Господи, колдуетъ, что ли?“—Благовоніе

*) Это выраженіе Тургенева рѣжетъ ухо всякому, знакомому съ православнымъ богослуженіемъ: въ паникадилѣ, т. е., въ люстрѣ никакой дьячокъ и никогда, „съ трудомъ“ не могъ раздувать ладана... Ладанъ легко и безъ труда разгорается въ кадилѣ, а не въ паникадилѣ! Также невѣрно въ „Нови“ Тургеневъ называетъ молебенъ Николаю Чудотворцу „какъ извѣстно, едва ли не самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ молебновъ православной церкви“... (IV, 36). Это—ошибка.†.

цвѣтовъ, наполнявшихъ церковь, сливалось съ сильнымъ запахомъ новыхъ насѣренныхъ армяковъ, дегтярныхъ сапоговъ и котовъ—и надъ тѣми и другими испареніями удушливо-пріятно царилъ ладанъ. Дьячки и понамари на клиросахъ пѣли удивительно—старательно. Съ помощью присоединившихся къ нимъ фабричныхъ они покусились даже на концертъ!.. Отецъ Кипріанъ, священникъ самой почтенной наружности, съ набедренникомъ и камилавкой, произнесъ проповѣдь весьма поучительную, по тетрадкѣ; къ сожалѣнію, старательный батюшка счелъ за нужное привести имена какихъ-то премудреныхъ ассирійскихъ царей, чѣмъ весьма себя затруднилъ въ прононсѣ—и хотя выказалъ нѣкоторую ученость, однако вспотѣлъ же сильно»... (IV, 55—56). Дальше приведенъ разговоръ отца Кипріана съ помѣщикомъ и его рассказъ про архіерея: „Онъ у насъ строгій, престрогій... сперва разспросить о приходѣ, о порядкахъ, а потомъ экзамень дѣлаетъ... Обратился онъ тоже ко мнѣ.—Твой какой храмовой праздникъ?—Спаса Преображенія, говорю.—А тропарь на этотъ день знаешь? Еще бы не знать!—Пой—Ну, я сейчасъ: „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже нашъ“... Стой! Что есть Преображеніе и какъ надо его понимать?—Одно слово, говорю: хотѣлъ Христось ученикамъ славу Свою показать!—Хорошо, говоритъ; вотъ тебѣ отъ меня образокъ на память“ (IV, 57).

Тургеневъ описываетъ о. Кипріана и сельскую службу съ примѣсью добродушной, однако—и легкомысленной ироніи.

Значительно серьезнѣе описано имъ церковное богослуженіе и церковь въ рассказѣ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ (I, 303).

Изъ другихъ типовъ духовныхъ лицъ, каковы—отецъ Алексѣй въ «Рассказѣ Отца Алексѣя», монахъ въ „стихотвореніи въ прозѣ“—„Монахъ“, дьяконъ въ «Нови»—болѣе симпатичными чертами описанъ отецъ Алексѣй.

Безъ тѣни ироніи описанъ также юродивый въ «Странной Исторіи» (VII, 304).

Свящ. М. Степановъ.

РЕЛИГИЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

- Выпускъ I. **Религія А. П. Чехова.** Саратовъ
58 стр. Цѣна 35 пересылъ коп.
Выпускъ II. **Религія И. С. Никитина.** Саратовъ
24 стр. Цѣна 15 коп., пересылъ коп.
Выпускъ III. **Религія И. С. Тургенева.** Саратовъ.
18 стр. Цѣна 10 коп., съ пересылъ кою 15 коп.

Выписывать можно: 1) изъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ (Саратовъ, Пассаждъ. И во всѣхъ авиѣйшихъ городахъ Россіи).

2) изъ Книжнаго Склада Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (Московская ул., Хватова).

3) отъ автора священникъ: Михаила Степанова (по адресу: Саратовъ. Черезъ Духовную Консисторію).

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Первоначально эта статья была напечатана въ журналѣ «Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости». 1913. Октябрь.